

Dufková, Libuše

[Архангельская, Алла. Сексизм в языке: мифы и реальность]

Linguistica Brunensia. 2014, vol. 62, iss. 2, pp. 116-120

ISSN 1803-7410 (print); ISSN 2336-4440 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/130153>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

в виду, что исконные русские огласовки на *-чий* (ср.: *сидячий, лежащий, горячий*) превратились в прилагательные; они были заменены церковнославянскими огласовками на *-щий* (ср.: *сидящий, лежащий, горящий*).

Изложения о морфологическом составе древнерусского языка заканчиваются кратким описанием функционирования наречий как самостоятельной неизменяемой части речи. Их круг был исконно весьма ограничен. Делились они на первообразные, местоименные и образованные от других частей речи. Последний тип является результатом адвербиализации, которая представляет собой до сих пор в языке живой процесс.

В пособие включены тексты и фрагменты древнерусских письменных источников. Они могут служить материалом для проведения практических занятий, для чтения и для анализа фонетических и морфологических явлений древнерусского языка (*Тексты*, с. 83–135). Следуют таблицы образцов древнерусских типов склонения имен и местоимений и типов спряжения глаголов (с. 136–153). Библиография содержит необходимую и дополнительную учебную литературу, словари и хрестоматии по истории русского языка (*Рекомендуемая литература*, 154–155). В конце пособия даны контрольные вопросы для проверки усвоения теоретических сведений (*Контрольные вопросы по исторической грамматике русского языка*, с. 156–157). *Содержание* (с. 158–160) помещено в конце книги.

Предлагаемое учебное пособие написано таким образом, чтобы освоение исторической грамматики русского языка было доступным не только для студентов-филологов, но и для студентов-литераторов, историков и для интересующихся письменной культурой Древней Руси.

Алеш Бранднер

Filozofická fakulta Masarykovy univerzity, Brno
brandner@phil.muni.cz

Архангельская, А.:

Сексизм в языке. Мифы и реальность.

Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci, 2011. – 326 с.

ISBN 978-802-442-898-7

Книга А. Архангельской является результатом многолетних размышлений и продолжительной работы автора с источниками. Содержание книги охватывает современную тему проявления сексизма в языке. Монография состоит из двух разделов: в первом разделе, названном *О «сексизме в языке» и проблемах «гендерной коррекции лингвистического сознания его носителей»* (с. 9–134), автор ставит под вопрос понятие антропоцентризма в языке, сексизм и политкорректность на службе феминистской критики языка. Во втором разделе, названном *Статус женщины в языке и языковая ситуация*

в славянских странах (с. 135-267), автор привлекает внимание к средствам идентификации женщины, новой языковой политике и женскому вопросу в избранных современных славянских языках, т. е. русском, украинском и чешском.

В первом разделе рассматривается понятие антропоцентризма в языках пост-патриархального типа. Антропоцентризм является следствием патриархального общественного мышления, ставшим определяющим фактором доминирования мужского элемента в языковых системах. Однако асимметрии в языковых системах являются результатом языковых эволюционных процессов. Говорить о следствии социального неравенства, по словам автора, ошибочно.

В первом разделе автор посвящает одну из глав вопросу отождествления понятий «человек» и «мужчина», наблюдаемого не только в славянских языках. Автор ссылается на типологию названий, означающих человека в индоевропейских языках выдающегося лингвиста Университета им. Масарика В. Блажка. В. Блажек изучает этимологию и исходные семантические характеристики слова человек через его семантико-идеографические связи. Наиболее частым источником семантической мотивации слова человек является семантическое поле человек-род-сила. Исконные семантико-этимологические связи понятий «человек» и «мужчина» объясняют, что понятие «мужчина» в значительной степени коррелирует с объемом понятия «человек». Однако автор настоящей монографии отмечает, что ни на понятийном, ни на семантическом уровне человек и мужчина не являлись и не являются тождественными. Слово человек можно применить в специальном значении мужчина. Данная закономерность касается всех естественных пост-патриархальных языков. Для индоевропейских языков типично, что с точки зрения универсальной архаичной картины мира: человек — это только мужчина. Автор отмечает, что проблематичность наименования женщины словом человек определяется феминистской критикой языка как проявление антропоцентризма и языковой дискриминации.

Во второй части первого раздела рассматриваются понятия сексизма, языковой дискриминации и политкорректности. Сексизм определяется как идеология и практика дискриминации по признаку пола. Названный термин в феминистской критике языка непосредственно связывается с понятием антропоцентризма. Антропоцентризм в отмеченной феминистской критике языка понимается как установка рассматривать мужчину как норму. Женщина представляет отклонение от нормы, девиацию. По убеждению представителей феминистской критики языка антропоцентризм языка несет дискриминационный характер.

В монографии отмечается, что существуют многие исследователи, считающие, что мужское доминирование ограничивает права не только женщин, но и права мужчин (ср. призыв в армию, более высокий пенсионный возраст, более высокие допустимые физические нагрузки на работе и т. п.). Необходимо напомнить, что в феминистской философии и критике языка существуют более и менее радикальные направления. Часть исследователей от феминистской лингвистики дистанцируется, часть с ее взглядами отождествляется. Несмотря на то, что на славянские страны феминистская философия повлияла меньше, вопрос необходимости гендерно-сбалансированного

реформирования языка затронул даже их. Далее приводится описание разных обращений (к мужчинам, женщинам, представителям обоих полов) и их критика с точки зрения феминистской философии.

А. Архангельская обращает внимание на связь борьбы за освобождение языка от сексистских структур и стереотипов с борьбой за создание полит-корректного языка. Термин политической корректности появился более 30 лет назад в связи с возникновением идеи культурного плюрализма и необходимости представлять произведения искусства, литературы, достижения общественной и политической жизни, относящиеся к представителям всех этнических и сексуальных меньшинств. В славянских странах, где издавна существует термин «языковой такт», появилась политическая корректность позже. Языковой такт понимается шире, чем политическая корректность. Правила языкового такта предупреждают о вульгаризмах, раскрывают особенности их функционирования. Однако в политкорректности речь идет о оскорбляющих чувствах многих, т. е. политкорректность употребление вульгаризмов не запрещает.

В заключение главы автор монографии приходит к заключению, что в русском, украинском и чешском языках политкорректность не запустила глубоких корней. Ссылаясь на В. В. Панина А. Архангельская отмечает, что в русском языке обнаружены лишь единичные примеры политкорректных слов и выражений: *афроамериканец, темнокожий, гастарбайтер, малоимущий*, и т. п.

Во втором разделе описывается статус женщины в языке и рассматривается языковая ситуация в славянских странах, т. е. в России, Украине, Чехии. В первой части второго раздела дается толкование процессов и тенденций развития русского, украинского и чешского языков. Русский и украинский языки сориентированы на феминизацию маскулинизмов. В российском лингвокультурном сообществе в процессах феминизации маскулинизмов стала ведущей демократизация языка, в украинском — национально-языковой пуризм. В чешском языке в процессах нейтрализации дискриминативности маскулинизмов были ведущими идеи феминистской критики языка. Сторонники гендерно-корректного реформирования языка опираются на требования Еврокомиссии от 1990 г. к членам ЕС, требующие выработать основы несексистского языка. Гендерно-чувствительное реформирование славянских языков не переросло в тенденцию. В Чехии влияние феминистских идей сталкивается с неприятием как академического общества, так и коллектива говорящих на этом языке.

Вторая часть второго раздела содержит три главы. В первой рассматриваются пути повышения статуса женщины и языковая ситуация в современном русском языке. В русском языке на рубеже тысячелетия произошли серьезные изменения. Феномен активизации феминного словообразования связан с процессом демократизации языка, либерализацией и плюрализацией нормы и утратой того, что принято называть языковой вкус, прямое или опосредствованное влияние феминистских идей, взаимодействие центробежных и центростремительных сил языковой системы. Наибольшей критике были подвергнуты статусные наименования лиц женского пола по профессии, роду деятельности и социальному статусу. На рубеже веков появляется большое количество

феминатов-словообразовательных вариантов, образованных чаще всего с помощью суффиксов *-к(а)*, *-иц(а)*, *-есс(а)*. Феминативы *ассистентка*, *депутатка*, *оппонентка* все чаще встречаются с суффиксом *-ш(а)*: *ассистентша*, *депутатша*, *оппонентша*. Кроме того, активизируется вариантное употребление суффиксов *-их(а)* и *-к(а)* (ср. *продавчиха*, *продавщица*). Такие феминаты в многих случаях являются иронично-шутливыми. В общем, употребление подобных существительных связано со сниженным, пренебрежительным оттенком. А. Архангельская отмечает, что в 20-30-х годах XX века произошла активизация старой языковой тенденции: называть женщину отдельным словом. Такое стремление засвидетельствовано даже в русских женских журналах позапрошлого века. Причинами словообразовательной феминизации начала XX века стали развитие женского движения, зарождение высшего женского образования, расширение их роли в производстве и культурной деятельности. В языке того времени было широко распространено параллельное употребление маскулинизированного и феминизированного способа языковой идентификации женщины: *автор* и *авторша*, *доктор* и *докторша*, *организатор* и *организаторша* и т. п. Однако в 20-х годах XX века началось стилистическое размежевание мужских и женских парных существительных, суффиксы *-ш(а)*, *-их(а)* приобрели разговорную окраску. Слова с суффиксом *-ш(а)* стали указывать на иные родственные отношения женщины, ср. по отцу и дочь иногда звали *майоршей*. Тенденция маскулинизации развивалась в связи с установлением равных прав для женщины в Советском Союзе. Тенденция маскулинизации наименований лица женского пола понималась как общественное условие равенства полов, ведущее к обогащению языка. Для настоящего времени типично изменение языкового вкуса, навыков, идеалов влиятельной части общества и снижение стиля. Будущее новых феминатов покажет время.

Во второй главе описываются пути повышения статуса женщины в украинском языке. Для украинского языка свойственна тенденция к суффиксальному образованию существительных со значением женского пола от существительных мужского пола. Маскулинизация — это явление, которое украинскому языку чуждое, связанное с диктатом советской системы и нормой русского языка. Большое влияние оказал национальный пуризм, будучи основной движущей силой эволюции украинского языка, который развивался под влиянием русского языка. Так как в украинском языке имеется богатый репертуар наименований женщины, словообразовательная феминизация вписана глубоко в систему рассматриваемого языка. В связи с отсутствием в официально-деловой речи соотносительных образований женского рода вызывает естественную необходимость использования других средств дифференцирующего выражения представлений о лице. Как и в русском языке, большинство неофеминатов, оформленных стилистически маркированными формантами *-ш(а)*, *-их(а)*, но и нейтральными *-к(а)*, *-иц(а)*, *-ин(я)*, заимствованными *-есс(а)*, *-ис(а)*, призваны выполнять номинативную функцию как статусные и профессиональные наименования лица женского пола. Однако по материалу украинских СМИ автор монографии пришел к выводу, что женщины предпочитают называть себя маскулинным номинатом. Случаи употребления феминизированного названия женщиной, говорящей о себе, единичны.

В третьей главе второй части второго раздела рассматривается положение и статус женщины в чешском языке. До конца 90-х годов казалось, что чешский язык не ставит женщину в невыгодное положение. С 1995 г. в отдельных статьях и конференциях были определены проблемные точки. Ведущим идеологом борьбы за гендерное равенство стала феминистка Яна Валдрова, которая убеждена в том, что от гендерного неравенства страдают прежде всего посткоммунистические страны. А. Архангельская отмечает один важный момент, в начале 2010 года на официальном сайте Министерства образования, молодежи и спорта Чешской Республики появилось пособие „*Kultura generově vyváženého vyjadřování*“ Я. Валдровой, Б. Кнотковой-Чапковой, П. Паличковой, созданное как реакция на требование Еврокомиссии (1990). Богемисты в коллективном письме обратились в Министерство и высказали озабоченность содержанием пособия. Пособие было после экспертизы Институтом чешского языка АН ЧР убрано с сайта. Следующей темой ожесточенных дискуссий стала проблема мовирования фамилий иностранок. Противники такого явления считают варварским насильственное применение к иностранным фамилиям чешских языковых законов (ср. *Strutzová vs. Strutz*). Финаль -ová также оказалась в центре внимания чешской феминистской лингвистики. В статьях речь идет о притяжательности финали женских фамилий, принадлежности женщины родителям или мужу. Однако мовирование фамилий женщин в чешском языке не имеет ничего общего с реальной принадлежностью в объективном мире. Это явление связано во флективных языках с необходимостью грамматической идентификации лица по признаку пола с помощью склонения, а не уродование имени.

В заключение необходимо отметить, что автор настоящей монографии высказывает надежду на включение саморегулирующей функции языка, стимулированной взаимодействием лингвоцентрических и социоцентрических тенденций его языка. Тем не менее автор выражает озабоченность, окажутся ли самозащитные механизмы языка достаточными для сохранения его национального облика.

Либуше Дуфкова

Filozofická fakulta Masarykovy univerzity, Brno
dufkova@gmail.com

Иванова, Н. И.:

Современное коммуникативное пространство русского языка в республике Саха (Якутия). Социопсихолингвистический аспект.

Новосибирск: Наука, 2012.

ISBN: 978-5-02-019053-5.

Lingvisti se zájmem o jazyky národnostních menšin se nesmí vyhnout ani reflexi jazyka, který je majoritní nebo dominantní. V případě ruštiny v Jakutsku to sice není nejlepší pří-